

control, are given. Social resources are based on the actor's relationships network: either an unconditional transfer of resources, or an exchange of resources. The sociological explanation of resource allocation in social networks explains the emergence of behavioral expectations within the general model of actions. A specific action model, which is supported by the investment theory, is proposed.

Keywords: *social capital, social networks, social resources, production functions, investment, welfare.*

Об авторах:

Торгованова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 6784-2308, e-mail: maerz25@mail.ru

Шабанова Анна Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1964-1167, e-mail: anya222@mail.ru

Authors information:

Torgovanova Olga Nikolayevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 6784-2308, e-mail: maerz25@mail.ru

Shabanova Anna Evgenyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1964-1167, e-mail: anya222@mail.ru

УДК [82:1]: [81'255.2:811.111]

ФИЛОСОФСКОЕ НАЧАЛО В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

О.А. Егорова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

© Егорова О.А., 2021

DOI: 10.46573/2409-1391-2021-1-28-34

В статье на основе компаративного и семантического анализа предпринята попытка рассмотрения образцов философской лирики Сергея Есенина, способствующих раскрытию проблематики многообразия проявлений русского национального характера и осмысления национального бытия в пору народного противостояния на рубеже революционного переворота 1917 г. и последующей Гражданской войны. Исповедуя философию сакральности русского духа, поэт характеризует национальный русский характер как структуру, сформированную православием и подразумевающую как духовность, так и стихийность, уходящую своими корнями в мифологическую историю древних славянских племен. Как следствие, особенности авторского поэтического языка, насыщенного самобытными философскими метафорами и диалектными просторечиями, индуцируют закономерные сложности отражения авторской метафорической образности и философской поэтической тональности в переводах данных произведений на английский язык. При этом есенинское философское понимание русского национального характера отличается особой просветленностью и оптимизмом, а также утверждением самых лучших качеств русского народа.
Ключевые слова: философские размышления, фольклор, соборность, православие, патетическая форма, поэзия.

В поэтическом творчестве Сергея Есенина философские размышления и мотивы прослеживаются с ранней поэзии, которая насыщена прославлением русского духа, любовью к живой природе, родному краю и всей России, что в дальнейшем способствовало эволюции в образе данного поэта особого поэтического пантеизма с чертами христианской православной традиции. Ведь величие природы в творчестве Есенина превозносится до канонического уровня, а образам обычных российских крестьян придаются черты богомольцев и странствующих искателей истины. Таким образом, поэт исповедует философию сакральности русского духа, разнопланово осмысливая проблему полярности русского мироощущения и поведения, потенциал русского национального характера, который зарождается из сопряженности с истоками родной патриархальной земли и внутренней «соборности» как осознания постулатов православной религии.

На фоне роста мировой глобализации и универсализации большей части ценностей, включая нравственные и духовные, в современном социуме специалисты в области философии и литературоведения нередко обращаются к расширенному исследованию проблематики национального в различных пластах

культуры, поиску уникальных характеристик национального бытия как детерминанты последующего развития конкретного этноса. Ведь концепция об особой индивидуальности любого народа как совокупности людей, объединенных общим географическим положением, историей и обычаями, зародилась в Древней Греции, далее была упрочена в работах ряда современных философов, в частности упоминается в философской системе Гегеля, которого, по мнению философа Е.В. Леденевой, «...интересуют большие человеческие общности – народы. В их судьбе и свершениях Дух познает себя, по мысли Гегеля, с величайшей полнотой» [5, с. 192]. Более того, особенности менталитета конкретного этноса наиболее ярко обнажаются в образцах художественной литературы и поэзии.

Особенно отчетливо проблематика многообразия проявлений русского национального характера и осмысления национального бытия раскрыта поэзией С.А. Есенина, послужившей связующим звеном в пору противостояния русских людей в годы Гражданской войны. Эмигрировавший во Францию русский поэт и публицист Г.В. Иванов отмечал, что на любви к Есенину сходятся «два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания» [4, с. 38]. Лирика Сергея Есенина характеризуется особой исповедальной искренностью, отражающей восхищение гармонией природы вокруг человека в жестком мире, порождающем не простые философские раздумья, тайны и загадки.

В данной статье посредством компаративного и семантического анализа рассмотрены некоторые поэтические образцы философской лирики Сергея Есенина, способствующие раскрытию национального миропонимания на основе культурно-исторических и природных факторов, в том числе и на фоне соразмерности отражения авторской метафорической образности в аналогах данных произведений на английском языке.

Отметим, что научный постулат о С.А. Есенине как величайшем русском национальном поэте сложился в отечественном литературоведении во второй половине XX в. По мнению В.А. Шохина, Сергею Есенину выпала доля «ярко передать ту или иную черту, ту или иную грань национального характера» [6, с. 35]. Другие исследователи, например В.И. Харчевников, В.Г. Базанов, Е.И. Наумов и А.А. Волков, также занимались исследованием национального в творчестве Есенина, с юности связанного с крестьянской Россией. При этом Н.И. Шубникова-Гусева характеризует поэзию Есенина как «принципиально новую систему художественного постижения мира, в основе которого лежит идея полемического диалога как основы бытия в русской культуре» [7, с. 17].

Со второй половины XIX в. двуликость русской души находит глубокое осмысление в работах русских писателей и поэтов, в частности Федора Достоевского, чьи персонажи сочетали высокие душевные помыслы с внутренним «разгулом темной стихии» [2]. Подобная национальная особенность получила освещение и в трудах таких русских философов, как Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов, Г.П. Флоровский и др. С точки зрения упомянутых философов, «двоецентрие» русского характера и формирует необходимое напряжение, которое обуславливает движение нации вперед, и было детерминировано позднее русским философом и литературоведом М.М. Бахтиным как амбивалентность, дающая толчок многообразию национальных типов в истории развития России.

В подтверждение обратимся к ранней поэзии Сергея Есенина, философские принципы которой касаются гармоничного переплетения природного и человеческого миров, пока не затронутых конфликтами и борьбой противоречий. На данном этапе творчества природный мир оживает и олицетворяется до человеческого уровня, одушевляясь единым замыслом сопряжения между явлениями человеческой и природной сути, порождая богатейшую метафорическую образность и красоту поэтического языка. Рассмотрим начальные строки одного из первых стихотворений Сергея Есенина «Там, где капустные грядки» [3, с. 60]:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Клененочек маленький матки
Зеленое вымя сосет.

В данном четверостишье благодаря метафорическим эпитетам оживают непредсказуемые природные феномены: восход удобряет молодую капусту «*красной водой*», а саженец клена впитывает подобно молодому бычку сочную траву, обозначенную по аналогии с коровой «*зеленым выменем*». Таким образом, данный образец поэтического творчества философски детерминирует жизнотворное начало в окружающем мире. Более того, в творчестве Сергея Есенина образы деревьев нередко уподобляются людям, отсылая воображение поэта к концепции мирового древа, подразумевающей и в философии, и в мифологии древних славян, из которой поэт черпал свои замыслы, взаимосвязь всего живого на планете и эволюционное развитие мира. Как пример, рассмотрим строки из стихотворения «Пороша», который поэт сочинил в 1914 г., будучи студентом историко-философского отделения одного из Московских университетов [3, с. 92]:

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

Поэт стремится передать свою любовь к малой Родине посредством описания безмятежности природы, погруженной в зимнее безмолвие. Данное произведение насыщено образами заколдованного леса, сосны и дороги, которые олицетворены до человеческого уровня, поэтому лес «*дремлет*», снег укрывает «*землю шалью*», а дорога «*убегает вдаль*». Также примечателен и образ сосны, укутанной снегом как девичьей косынкой. Отметим, что в творчестве С.А. Есенина народность и самобытность раскрываются в максимально патетической форме, поэтому его творчество трудно переводить на другие языки. Как подтверждение, прочитаем вышеупомянутые строки в переводе Руперта Мортонна на одном из поэтических сайтов [11]:

Held by unseen fable's rapture,
Forest slept beneath the drifts.
There in kerchief's frozen capture
Pine displayed her snowy shifts.

В данном четверостишье во второй строке отсутствует авторская инверсия, т. е. перестановка подлежащего и сказуемого, использованная для усиления эмо-

ционального накала повествования. Также при дословном анализе последних двух строк, переводимых как «*в застывшем ореоле косынки сосна показывала свои снежные сорочки*», мы наблюдаем некоторую трансформацию смысловой парадигмы образа сосны с добавлением новых коннотаций, обусловленных сохранением рифмы на английском языке. Поскольку Сергей Есенин взращивал свое поэтическое мастерство на сокровищнице народных песен, заговоров, басен и других образцов малых жанров поэтического творчества, насыщенных диалектами и просторечной лексикой, художественное воздействие его произведений осуществлялось посредством множества самобытных и редко употребляемых слов, которые весьма сложны и неоднозначны при переводе на английский язык.

Обратимся к другому примеру философской лирики поэта, а именно начальным строкам стихотворения «О верю, верю, счастье есть» 1917 г. [3, с. 391]:

О верю, верю, счастье есть.
Еще и солнце не погасло.
Заря молитвенником красным
Пророчит благодатную весть.

Данное произведение, опубликованное в журнале «Рабочий мир» в 1918 г., пронизано оптимизмом и надеждой поэта на возрождение новой России, в которой «*красный молитвенник*» зари олицетворяет отождествление революционного переворота с новой религией. В этом стихе мы замечаем цепочки повторов, акцентирующих внимание читателя на образе «*Златой Руси*» как метафоры, раскрывающей образ патриархальной православной страны с многоликостью церковей с позолоченными куполами и бескрайними просторами. Далее рассмотрим строки второго четверостишья [3, с. 391]:

Звени, звени, златая Русь,
Волнуйся, неумный ветер!
Блажен, кто радостью отметил
Твою пастушескую грусть.

Данные строки отчетливо выражают восторженность автора перед грядущими изменениями и звучат отчасти как гимн новому пролетарскому миру. Однако в дальнейшем отношении Сергея Есенина к революционным событиям заметно трансформировалось, на смену восторгу пришло беспокойство о судьбе патриархальной деревни, охваченной нецелесообразными реформами нового строя. Далее обратимся к данным строкам в переводе Алика Вагапова на одном из поэтических сайтов [9]:

Ring, golden Russia, carry on,
Oh blow you wind, so unabated!
Blessed is the one who celebrated
Your shepherd's sadness, hope forlorn.

В данном переводе мы замечаем преломление смысловой парадигмы первой строки с заменой повтора сказуемого «*звени*» на глагольный аналог “*carry on*” со значением «*продолжать в том же духе*» [8], а также удлинение последней строки за счет дополнения “*hope forlorn*”, дословно переводимого «*безнадежная надежда*» [8]. Подобные метаморфозы обеспечивают благозвучие на английском языке, а также демонстрируют, что проблематика адекватного перевода нестандартной лексики в поэзии Сергея Есенина требует от переводчика

погружения не только в особенности фонетического строя авторской поэтической рифмы, но и в архивы русского фольклора как истока многих замыслов поэта.

В зрелой поэзии С. Есенина философское начало углубляется размышлениями о тленности физического бытия, о вечной проблеме жизни и смерти. Как подтверждение, рассмотрим стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу» 1921 г., в частности второе четверостишие стиха [3, с. 543]:

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Данное произведение состоит из пяти катренов, каждый из которых расширяет смысловую нагрузку предыдущего. Далее прочитаем перевод данных строк Аликом Вагаповым на одном из поэтических сайтов [10]:

Having got to know the touch of coolness
I will not feel, as before, so good.
And the land of birch trees, – oh my goodness! –
Cannot make me wander barefoot.

В данных строках переводной версии мы замечаем смысловую перестановку первых двух авторских строк. Также в данном примере отсутствует эпитет о «*тронутом холодком*» сердце, и смысл глубокой авторской метафоры «*страна березового ситца*» заменен на аналог «*земля берез*», что в целом обусловлено необходимостью гармоничного звучания переводной версии, хотя и умаляет метафорическое изящество исходного материала.

Примечательно, что особое место в философском осмыслении проблематики нового революционного сознания, полемики между атеистическим и религиозным началами русского характера, законов творчества, полисемии образов и символов принадлежит тринадцати поэмам Сергея Есенина, среди которых «Товарищ», «Певущий зов», «Пришествие», «Инония», «Иорданская голубица» и др. В данных поэмах, обозначенных общим названием «маленькие поэмы», поэт апеллирует к теме перерождения мира как общей художественной метафоре событий, библейским мифам о сотворении мира. Изучая данные произведения, филолог и исследователь О.Е. Воронова отмечает, что эпос Есенина – «это попытка создания индивидуально-авторского мифа о новом Богооткровении» [1, с. 463]. Так, в поэтических рассуждениях «Певущего зова» 1917 г. Есенин [3, с. 401] предстает перед нами избранником Провидения, воспевающим новый мир, где «*все мы – яблони и вишни голубого сада*». Разноплановые эпитеты в устах потрясенного пролетарской революцией поэта, такие как «*новая купель*», «*загорелась звезда Востока*», «*Новый Назарет*» воспевают ее торжество, отождествляя данный переворот с библейскими мифологическими постулатами православия. В первой строке поэт завуалированно упоминает Господа, который, скорее всего, «*просит*» не поддаваться искушениям, но «*достигать и мерить*», т. е. заменять материальные ценности духовными. Таким образом, в данном произведении Сергей Есенин стремится раскрыть свою философскую концепцию, метафорически отождествляя революционную Родину с библейскими временами первых христиан и язычников в поисках истинной веры. Неповторимым своеобразием философской лирики поэта становится предельная искренность и исповедальность, присущая

поэту при описании собственных духовных сомнений, ошибок и прозрений в сложное для России время. Хотя Есенин не предавался философии в традиционном смысле, т. е. не анализировал сущность проблемы бытия и сознания, свободы и необходимости, по сути дела, он оставался вдумчивым мыслителем, погруженным в поиски смысла и назначения человеческой жизни.

Немаловажное значение в более поздней философской лирике поэта занимает поэма «Черный человек» 1926 г., в которой герой ведет полемический диалог со своим внутренним эго, иносказательно представленным отражением в зеркале. Образ черного человека, появляющегося в зеркале, олицетворяет внутренний душевный раскол и мысленные страдания персонажа поэмы, охваченного отчаянием в связи с волной противоречивого террора в России двадцатых годов прошлого века. В конце поэмы черный человек иронизирует, заставляя героя прийти в бешенство и разбить тростью данное зеркало. Как следствие, душевный эмоциональный надрыв рассеивается, уходит возмущение и досада, и персонаж философски отмечает: *«Я в цилиндре стою. Никого со мной нет. Я один... И разбитое зеркало...»*.

Исповедуя философию сакральности русского духа, поэт характеризовал национальный русский характер как структуру, сформированную православием и реализуемую в «соборном начале» русской души, проявляющейся в мотивах родительского благословения, терпения и смирения, гостеприимства и доброты. При этом ментальный стержень русского характера подразумевает как духовность, сформированную православным вероисповеданием, так и стихийность, уходящую своими корнями в историю древних славянских племен.

В завершение отметим, что по мере роста философской зрелости поэта, росла его мудрость и умение преодолевать свои страсти, ведь поэт считал излишним их сдерживание и выступал за приоритетность индивидуального начала. В этом прослеживается схожесть его точки зрения с постулатами Аристотеля, призывавшего сдерживать одну страсть для того, чтобы она не мешала развитию другой. Как и Аристотель, Есенин любил предаваться уединению и углублению в свои мысли и подобно философам Древней Греции считал размышление добродетелью. При этом есенинское философское понимание русского национального характера выявляет такую его особенность, как антиномичность, являющуюся следствием переплетения и духовной составляющей, и стихийного центростремительного вектора в русской душе.

Библиографический список

1. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура: монография. Рязань: Узорочь, 2002. С. 462–463.
2. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб.: Лениздат, 1999. 739 с.
3. Есенин С.А. Полное собрание стихотворений. URL: https://aldebaran.ru/author/esenin_sergeyi/kniga_polnoe_sobranie_stihotvoreniyi/ (дата обращения: 20.12.2020).
4. Иванов Г.В. Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки. Рецензии, статьи: в 2 т. М.: Инкон, 1993. С. 38.
5. Леденева Е.В. От Гегеля к неклассической философии // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2017. № 3. С. 191–192.

6. Шохин В.А. Поэт и мир // О творческой индивидуальности в советской поэзии. Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. С. 35.
7. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: от «Пророка» до «Черного человека»: творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: НМЛ И РАН «Наследие», 2001. С. 16–17.
8. Электронный словарь Мультитран. URL: <https://www.multitrans.ru/c/m.exe?a=DownloadFile> (дата обращения: 02.01.2021).
9. Alec Vagarov. I do believe in happiness! URL: <https://proza.ru/2011/11/26/1518> (дата обращения: 25.12.2020).
10. Alec Vagarov. I do not regret, and I do not shed tears. URL: <https://proza.ru/2011/11/26/1518> (дата обращения: 28.12.2020).
11. Rupert Moreton. Fresh Snow. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/fresh-snow/6010/> (дата обращения: 29.12.2020).

THE PHILOSOPHICAL ASPECT IN THE POETRY OF SERGEI YESENIN (AS EXEMPLIFIED IN SOME ENGLISH TRANSLATIONS)

O.A. Egorova

Tver State Technical University, Tver

In this article, based on comparative and semantic analysis, an attempt is made to consider samples of the philosophical lyrics by Sergei Yesenin, contributing to the disclosure of the manifestation diversity problems of the Russian national character and understanding of national life during the confrontational revolutionary coup of 1917 and through the subsequent Civil War. Espousing the philosophy of the Russian spirit and its sacredness, the poet characterizes the national Russian character as a structure formed by Orthodoxy and implying both spirituality and spontaneity, rooted in the mythological history of the ancient Slavic tribes. As a result, the peculiarities of the author's poetic language, impregnated with original philosophical metaphors and dialectal vernaculars, induce natural difficulties in reflecting the author's metaphorical imagery and philosophical poetic tonality in these works' translations into English. At the same time, Yesenin's philosophical understanding of the Russian national character is distinguished by special enlightenment and optimism, as well as the affirmation of the Russian people's best qualities.

Keywords: *philosophical reflections, folklore, collegiality, Orthodoxy, pathetic form, poetry.*

Об авторе:

Егорова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь, Россия. SPIN-код: 1954-7772, e-mail: mipe456@hotmail.com

Author information:

Egorova Olga Anatolyevna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Tver State Technical University, Tver, Russia. SPIN-code: 1954-7772, e-mail: mipe456@hotmail.com